III.

КАВКАЗСКІЯ КАРТИНЫ.

изъ

записокъ очевидца.

Маюртупъ а) казался предѣломъ разрушительнаго странствованія нашего отряда на плоскости строптивыхъ Чеченцевъ, послѣ коего имъ приходилось думать о постройкѣ саклей, точно также, какъ мы думаемъ о шитьѣ новаго платья, въ замѣнъ изношеннаго по истеченіи года.

а) До 1832 года Русскіе не ходили далѣе Маюртупа.

Въ право волновался Кавказъ, гдѣ Русскіе еще никогда не были, а передъ нами Качкалыковскій хребетъ, обитаемый мирными Качкалыками. (Слово *мирный* имѣетъ другой смыслъ въ здѣшнемъ краѣ; оно означаетъ покорныя селенія, коихъ жители, для сбереженія домовъ и нивъ, выдаютъ аманатовъ, не покидаютъ жилищъ и сохраняютъ приличія, какъ легкомысленная женщина соблюдаетъ оныя для того, чтобы не потерять доброй славы. Во всякомъ набѣгѣ или разбоѣ учиненномъ не-мирными, или встрѣчаемомъ нами сопротивленіи, участвуютъ, обыкновенно на половину, удальцы изъ смежныхъ мирныхъ селеній).

Но суетливая заботливость должностныхъ въ штабѣ, толки тѣхъ, кои не имѣютъ бумажной должности, и топотъ по отряду, сдѣлались предвѣстниками чего-то особеннаго, точно также какъ легкая дрожь и какое-то безпокойное чувство предшествуютъ лихорадкѣ въ человѣческомъ тѣлѣ. Вечеромъ объявлено, что вагенбургъ только передвинется на другое мѣсто и остается около Маюртупа съ прикрытіемъ и большею частью артиллеріи; отрядъ по утру выступаетъ въ горную

экспедицію. Цѣль экспедиціи не была объявлена, но всякой догадывался, что отправляются въ Нахчимахъ за двумя орудіями, кои Казы-Мулла похитилъ у Волжинскаго вмѣстѣ съ жизнью. Всякой догадывался, потому что морально-праздная любопытная болтливая военная братья угадываетъ цѣль начатаго движенія, чрезъ выборъ и распросы проводниковъ, черезъ полуслова и темныя полудовѣренности лагерныхъ чичероне, также какъ опытный мужчина можетъ угадать раждающееся къ нему расположеніе женщины чрезъ взглядъ мгновенный, пламенный и томный, чрезъ улыбку, которая на свѣжихъ устахъ скользитъ только для него, чрезъ легкое, нечаянное прикосновеніе руки или платья, въ коемъ не проситъ извиненія.

Рано поутру на другой день все зашевелилось въ лагерѣ, всѣ начали переходить, передвигаться, и изъ средины сего олицетвореннаго хаоса, тихо, плавно выходила чернѣвшаяся колонна отряда, покрытая густымъ туманомъ. Гюго заманчивый, увлекающій, пламенный, Гюго иногда бѣснующійся, увлекаясь вѣкомъ или увлекая вѣкъ свой, Гюго уподобилъ толпу оборванной Парижской черни, шедшей по запачкан-

нымъ изуродованнымъ улицамъ, огромному змѣю; я укралъ у него сравненіе, похитилъ чужую мысль, сравнивъ оживленную, безконечную ленту войска съ исполинскимъ пресмыкающимся, которое двигалось, перегибалось на случайностяхъ топографическихъ формъ; въ нѣкоторомъ разстояніи отъ него виднѣлась полувоздушная цѣпь стрѣлковъ, какъ нить испуганныхъ привидѣній, скользившихъ на видимомъ ограниченномъ горизонтѣ.

Голова отряда остановилась предъ огромнымъ густымъ лѣсомъ, въ который упиралась узкая дорога; двѣ пули, провизжавшія мимо головъ, нѣсколько осадили пеструю безпечную толпу всадниковъ, но въ тоже время егеря бросились въ лѣсъ; за ружейнымъ залпомъ послѣдовало протяжное ура, и стукъ топоровъ далъ знать, что непріятель прогнанъ изъ завала, который былъ разчищенъ черезъ полчаса, и лѣсъ началъ поглощать оживленную, разнородную массу.

Въ скоромъ времени разширилась дорога; солнце разогнало туманъ; мы шли подъ тѣнью исполинскихъ чинаровъ, поднимаясь на хребетъ по покатости, хотя отлогой, но чувствительной. Цѣпь стрѣлковъ

то мелькала между деревьями, то скрывалась въ оврагахъ, кои сбѣгали по обѣ стороны и гдѣ раздавался звукъ горновъ; иногда только ужасный обрывъ выгонялъ застрѣльщиковъ на дорогу; тогда вмѣстѣ съ Татарами они скоплялись въ нестройную кучу, затруднявшую шествіе колонны; иногда только въ лѣво открывался сосѣдній хребетъ и мы, какъ бы съ удивленіемъ, видѣли себя на равнѣ съ гребнемъ онаго, съ легкимъ облакомъ, которое на лету его лобызало.

Такимъ образомъ шли часа два; вдругъ раздался ружейный залпъ, за онымъ продолжительное ура и все стихло... Но... пронзительный и кратковременный крикъ... крикъ жалобный и дикій поразилъ нашъ слухъ... Какъ ни коротки были сіи звуки, но въ нихъ отражались всѣ ужасы насильственной смерти: страхъ скоротечнаго ожиданія и боль физическая и судороги, съ коими душа покидаетъ бренную оболочку, обозначались въ семъ удавленномъ крикѣ, выражавшемъ послѣдній скорбный часъ человѣка намъ подобнаго. Эпизодъ перехода объяснился тотчасъ: стрѣлки наткнулись на Чеченскіе шалаши, въ коихъ непокорные жители находились съ семействами и иму-

ществомъ; при блескѣ штыковъ все обратилось въ бѣгство и между прочими нѣсколько слабыхъ женъ, невинныхъ дѣтей погибли, какъ жертвы войны. Признаки добычи недавно доставшейся появились въ слѣдъ за симъ: солдаты, обовьюченные тяжелой ношей, тащили всякую всячину: одинъ кряхтѣлъ подъ широкимъ мѣднымъ тазомъ или продолговатымъ кувшиномъ, пестрый коверъ волочился по землѣ, накрывая другаго съ головы до ногъ; иной ворочалъ въ рукахъ или черкеску или женское платье; иной вытряхивалъ пухъ изъ запачканой парусины, между тѣмъ какъ листы Корана торчали изъ за какой нибудь портупеи. Но все на что либо годное было продано черезъ полчаса, остальное брошено и дорога покрытая обломками ящичковъ, сундучковъ, перьями, лохмотьями кожи, сукна, полотна являла всѣ признаки грабежа, безпорядочнаго, полубезполезнаго, въ коемъ наслажденіе уничтожать, разрушать, превышаютъ чувство корысти.

Между тѣмъ мы подымались все въ верьхъ; изрѣдка только огромный чинаръ, обрушенный временемъ, останавливалъ артиллерію, и на ближнемъ возвышеніи являлось въ зелени знакомое лице, какъ пор-

трешъ, написанный на зеленомъ грунтѣ. Но снова раздавался звукъ горна, рѣзкій исполнительный сигналъ вторился по всей цѣпи и мы опять подвигались.

Наконецъ мѣстоположеніе начало склоняться и потоки свѣта въ прямомъ направленіи дали знать о близости Гумса или Гудермеса, черезъ которой должно переходить, слѣдуя по Нахчимаху (или землѣ Ичкеринцевъ), собственному отечеству Чеченцевъ, изъ коего они вышли на лѣсистую плоскость, равнину прелестную и плодоносную. Сперва каменный голый кряжъ, въ дикомъ величіи обрисовался на голубомъ безоблачномъ горизонтѣ; далѣе его вѣтьви; потомъ противоположный хребетъ, индѣ покрытый лѣсомъ, представился намъ роскошными округлостями: два небольшіе аула, пасущійся скотъ, виднѣлись будто на ладони. Въ заключеніе открылось мѣсто ночлега, деревенька Куримбеене, лежащая на пригоркѣ въ котлѣ, коего одна сторона обрывается въ Гудермесъ почти отвѣсно, а остальныя обхватываются живописными вѣтвями хребта. Отрядъ спускался съ исполинскихъ крутыхъ уступовъ, подобно водопаду, помѣщаясь, сгущаясь на долинѣ; между тѣмъ на гребняхъ заблестѣли ружья

и штыки стрѣлковъ, что заставило поспѣшно скрыться человѣкъ пять вольно практикующихъ Чеченцевъ, пускавшихъ съ одной изъ вершинъ безсильныя пули.

Въ Нахчимахѣ мы очутились совершенно неожиданно; жители бѣдной деревушки узнали о нашемъ приближеніи чрезъ звукъ горновъ; они едва имѣли время вывести семейства, унести самое дорогое имущество, и покинули часть скота и все остальное.

Черезъ полчаса было замѣчено движеніе, на дорожкѣ, проложенной черезъ лѣвый гребень: въ кучкѣ штыковъ кого-то вели будто насильно; всѣ полагали увидѣть одного изъ пяти героевъ, недавно отретировавшихся; толпа спускалась медленно, остановилась на половинѣ горы, солдаты посадили на ружья человѣка посреди находившагося, понесли далѣе... Плѣннаго Чеченца можно подгонять только прикладомъ: комужъ такая почесть? Наконецъ явился плѣнный козакъ, схваченый за мѣсяцъ передъ этимъ. Тяжкіе кандалы обременяли обтертыя ноги несчастнаго; на тѣлѣ ничего болѣе не было, кромѣ лохмотьевъ черкески и панталонъ. Хозяинъ, при поспѣшномъ бѣгствѣ, едва успѣлъ увести его

я съ большими угрозами запряталъ въ близъ лежащее скрытое мѣсто; онъ выползъ и пропивъ ожиданія очутился свободенъ между соотечественниками и товарищами. Во все время плѣна страдалецъ лежалъ въ углу сакли, ежедневно получая въ пищу кусокъ тыквы; изрѣдко только три бравыя (какъ выражался онъ съ улыбкой) дѣвки, украдкой ему давали головку кукурузы. Дѣвки, что за выраженіе! Дѣвы — скажите лучше — роскошныя дѣвы Кавказа, какъ цвѣтокъ благовонныя, какъ серна легкія, какъ чинаръ стройныя; въ сердцѣ ихъ загарался чистѣйшій пламень любви къ несчастному плѣннику, начинавшему таять отъ блеска черныхъ глазъ. Это десятый томъ Плѣнника въ стольких-то строфахъ, стольких-то стихахъ, за каждый стихъ столько-то: это романтизмъ на дѣлѣ, проданный за воображаемый капиталъ ассигнацій невинныхъ, бѣлыхъ, съ черной оттѣнкой цѣны. Тс! — успокойтесь! — поэзія хороша лишь на бумагѣ; никто влюбляться не станетъ съ колодкой на шеѣ, кромѣ сумасшедшаго отъ любви у Обухова Моста. Полунагая Чеченка, прикрытая лохмотьями, съ тряпкой на головѣ вмѣсто покрывала, съ босыми ногами и чорствыми

руками, есть не что иное какъ не опрятное созданіе, раздавленное домашней работой; сіе твореніе руководствовалось только живот-нымъ состраданіемъ, когда бросало головку кукурузы плѣнному линейцу, лице коего было вывѣской неподвижной глупости.

Кукуруза составляетъ почти единственную пищу небогатыхъ жителей, что было видно изъ покинутаго имущества, которое разграбили къ вечеру; бродившій скотъ былъ перестрѣлянъ и кипѣлъ въ солдатскомъ котлѣ или жарился на шишлыкѣ Татарина; кукурузу еще недозрѣвшую (не смотря на Сентябрь) истребили; внутренность саклей обшарили, перевернули вверхъ дномъ, и двѣ или три поспѣшно начинённыя ярко запылали, какъ будто для оживленія картины и безъ того живописной.

Вотъ вечеръ. Повѣстка пробита и съ одной изъ вершинъ взвилась ракета; гордая на равнинѣ, блистательная, легкомысленная ракета явилась намъ ничтожною, уничиженною громадами, надъ коими хотѣла возвыситься, и пристыженная оборотилась внизъ, не конча полета — и лопнула упадая. Наконецъ наступила совершенная темнота, увеличенная еще болѣе огнями биваковъ; дымъ, заключеный въ тѣсной

долинѣ, задернулъ ближніе гребни, которые можно было только различать по воспламененіямъ рѣдкимъ, мгновеннымъ, отъ выстрѣловъ нашихъ стрѣлковъ, по разложеннымъ на постахъ огонькамъ, казавшимся на тверди небесной кровавыми созвѣздіями, между тѣмъ какъ самыя звѣзды горѣли въ зенитѣ непорочнымъ пламенемъ.

Съ самаго прихода въ Куримбеене до утра обдѣлывали спуски и подъемы Гудермеса, почти не проходимые. Послѣ разсвѣта Мусульмане, линейцы отправились на противоположную сторону; часа черезъ три тамъ засуетилась куча Чеченцевъ; они побѣжали благимъ матомъ къ лѣсу, испуганные нашей кавалеріей, которая во весь духъ понеслась вверхъ по исполинской покатости, но огромность хребта, пунктъ, съ котораго смотрѣли, поглощали и звуки и самую быстроту движенія: ибо ружейные выстрѣлы не были слышны, хотя опушка лѣса обрисовывалась дымомъ мгновеннымъ, скоро преходящимъ; ибо семь сотъ человѣкъ всадниковъ, несшихся во весь духъ, казались лишь кучей ползущихъ насѣкомыхъ.

Весь отрядъ тронулся часу въ одиннадцатомъ; и я какъ зритель, какъ чело-

вѣкъ безъ всякой обязанности, отправился къ кавалеріи, прогнавшей неприятеля. Маленькая, вновь покорившаяся деревня, лежала при началѣ покатости; испуганные жители оставались въ лѣсу; куры, телята бродили около саклей. Нѣсколько отставшихъ Татаръ бросились грабить, пришибая палками куръ, уходившихъ съ отчаяннымъ крикомъ, пробуя сабли надъ шеями телятъ, кои бѣгали, кружились, подымая хвостъ. Въ нѣсколько мгновеній все было подобрано, такъ что офицеръ, наѣхавшій на сей чепаухъ а), могъ только спасти внутренность домовъ, разогнавъ сію сволочь нагайкой.

На половинѣ дороги, открытой и безопасной совершенно, послышались мнѣ жужжаніе умирающей пули и выстрѣлъ. — Что же? — Въ полуверстѣ сидѣлъ Чеченецъ надъ обрывомъ, пуская безсильныя пули... Стрѣлокъ вольный — онъ одинъ сражался въ ту минуту; избалованное дитя буйной свободы, безсильный, ничтожный — но недоступный — онъ какъбы издѣвался надъ могуществомъ Русскимъ — надъ цѣлой мас-

а) Соотвѣтствуетъ слову: мародерство; собственно значитъ воровство.

кой войскъ, пути находившейся. Одна изъ двухъ вершинъ хребта являлась подобно огромной могильной насыпи: шпыки мелькали между рѣдкими деревьями, коими она была обсажена. Видъ съ сей точки былъ несравненный, не смотря на сѣрое небо; повсюду тянулись живописные хребты, полузадернутые грядами струившихся облаковъ, увѣнчанные лѣсомъ; ихъ улыбавшіеся лиамосы испещрены бѣлѣющимися, желтѣющими, легкими оттѣнками, рытвинами, обрывами, пропастями, кои затрудняютъ сообщеніе и во многихъ мѣстахъ дѣлаютъ оное невозможнымъ; подъ ногами была покатость, почти отвѣсная, съ которой нѣсколько припертыхъ Чеченцевъ скатилисъ безъ помощи салазокъ; небольшіе аулы, кутаны а), выглядывали по обѣимъ сторонамъ изъ за гущи деревъ.

Долго, очень долго восхищенный взоръ блуждалъ по симъ окрестностямъ и я съ сожалѣніемъ спустился обратно къ новому лагерю, гдѣ не было ни вершка ровнаго мѣста, но стояла палатка, криво, неровно лежала разостланная въ оной постель; и поверхность длиннаго складнаго стола,

---

а) Хуторà, въ коихъ зимуетъ скотъ.

за конемъ обѣдали или ужинали; казалась наломанной.

Разноголосный генералъ-маршъ, потомъ оборъ, коихъ — виноватъ — не могу различать, хотя когда-то носилъ эполеты восемь лѣтъ съ ряду, звуки несносные (когда усталые члены требуютъ сна), пробудили, подняли лагерь, освѣщенный заревомъ разложенныхъ костровъ; ослѣпленный погребальнымъ ихъ свѣтомъ, ни зги не видя, сѣлъ я на лошадь, и толкаемый, пихаемый, тѣснимый въ толпѣ конвоя, ѣхалъ шагомъ въ совершенной тмѣ — крѣпко укорачивая поводья. Дорога шла нѣкоторое время надъ обрывомъ, двѣ лошади рядомъ могли только идти по ней; въ право отвѣсное возвышеніе, ѣхавшій впереди всадникъ и чернѣвшаяся въ лѣво пропасть обрыва: вотъ все, что являлось взору во время сего марша — будто таинственнаго.

Съ утромъ увидѣли всю красоту мѣстности: узкая дорога шла въ доль хребта, поросшаго или рѣдкими деревьями или негустымъ лѣсомъ; у подошвы виднѣлись небольшіе аулы; на покатостяхъ возвышеній и въ долинахъ только что скошенное сѣно; мы спускались и подымались: взоръ обнималъ иногда протяженіе горной

цѣпи, и отрядъ, раскинувшійся на нѣсколько верстъ, являлся длинною нитью стрѣлковъ; на ножнахъ играли лучи яснаго солнца; и штыки сіи казались въ отдаленіи принадлежностью самаго хребта; гребень коего двигался, какъ будто съ ропотомъ, волновался, шевелился — вздрагивая подъ стопою чуждою — стеная подъ тяжестью побѣдителей, его покорившихъ.

При выходѣ изъ лѣса мы завидѣли, надъ с. Бѣлгатоемъ, авангардъ, отправленный съ полуночи, отъ коего были отдѣлены пролескомъ, впадающимъ въ Аксай. Отъ сего пролеска (какъ къ с. Цонтери, такъ и на противную сторону къ Бѣлгатою), мѣстоположеніе вздымалось амфитеатромъ, въ видѣ роскошныхъ холмовъ; на ихъ сладострастныхъ округлостяхъ и въ оврагахъ, раздѣлявшихъ оныя, раскинута была зелень кустарника; тамъ мелькали бараньи шапки туземцевъ, ихъ ружья, вынутыя изъ чехловъ и готовыя къ бою.

По обыкновенію Чеченцы стали ругаться, махали, звали къ себѣ, начали подползать; орудія были подъ рукой; убійственная граната, съ рѣзкимъ пагубнымъ визгомъ, полетѣвшая черезъ оврагъ, какъ небольшой мячикъ, роковаго чернаго цвѣта, подняла

два отпозабика ими, лопнула посредѣ непріятелей, кои кричали сначала, какъ всегда дѣлаютъ при выстрѣлѣ изъ пушки; потомъ, вскочивъ проворно, потащили одного; третій, четвертый чугунный подарокъ отохотилъ героевъ; послѣ чего, они стали караулить насъ, лишь съ дальнихъ бойовыхъ возвышеній.

Но все видѣнное до тѣхъ поръ было ничто въ сравненіи съ ландшафтомъ, намъ открывшимся, когда очутились мы на высотѣ предъ с. Бѣлгатоемъ. Тутъ голый, каменный кряжъ (у подошвы коего живутъ Андійцы) сердито глядѣлъ изъ за облаковъ; горы угрюмыя, покрытыя лѣсомъ, отдѣлялись отъ него, приближались къ намъ и пропуская два главные рукава Аксая, сквозь мрачныя лѣсистыя ущелья, сливались наконецъ съ окруженною холмами; сіи холмы обнимали прелестную, зеленѣвшуюся долину, гдѣ, на пространствѣ нѣсколькихъ верстъ, были раскинуты частые бѣленькіе домики, посреди садовъ, луговъ, обработанныхъ полей. Сакли Бѣлгатоя, разбросанныя на покатостяхъ были подъ нашими ногами; онѣ отдѣлены отъ противуположнаго селенія Аксаемъ, который струился, какъ казалось глазу, обманутому съ возвы-

шенія, лишь въ незначительныхъ оврагахъ; между тѣмъ сей сердитый горный потокъ кипитъ въ ужасной тѣснинѣ; ибо долина, намъ улыбавшаяся, есть клочекъ пьедестала, на коемъ стоитъ величественный монументъ, воздвигнутый рукой природы, возвышенная плоскость — подошва высочайшихъ горъ въ системѣ Кавказа. Взоръ, восхищенный величественною и разнообразною природой, опускался однако и невольно останавливался на Іолгапюйской долинѣ, которая мнѣ часто порождала мысль о золотомъ вѣкѣ или о семейномъ счастіи, о медленно испиваемомъ блаженствѣ того, кому бы суждено было безмятежно считать дни свои въ семъ очаровательномъ мѣстѣ съ милой, крошкой подругой, съ юнымъ потомствомъ — будущей опорой человѣка состарѣвшагося, и физически и морально.

Четыре орудія были поставлены противъ селенія, жители коего, не являясь съ покорностію, стояли кучкой въ почтительномъ отдаленіи; но желаніе или сохранить домы или вынести остальное имущество, заставило ихъ вступить въ переговоры, и показался одинъ изъ ихъ депутатовъ. Въ Россіи вѣрно бы сказали, что онъ явился

прямо къ намъ въ раззолоченномъ нарядѣ, съ нукерами, съ мишурнымъ блескомъ восточной роскоши, — какъ бы не такъ! — Чеченцы ведутъ переговоры иначе. Тонкій слухъ проводниковъ, также Чеченцевъ, кои за деньги указывали дороги, вѣрно провозили поручаемыя бумаги и въ сію минуту совѣтовали куда лучше навести орудія — тонкій слухъ проводниковъ, изощренный природный, различилъ голосъ изъ деревни и въ полуверстѣ изъ за сакли показалась папаха; минутъ пять продолжался между ними разговоръ на такомъ разстояніи, которое удивило нашего брата, ибо съ [illegible] звонкимъ голосомъ, съ подобнымъ горломъ, можно обойтися безъ рупора въ [illegible]щемъ морѣ.

Наконецъ послѣ многихъ толковъ, явился сей депутатъ, сложивъ оружіе внѣ выстрѣла — посланецъ знаменитый — босой и въ лохмотьяхъ; его бритая голова, шея, руки были покрыты отвратительной сыпью, почти общею въ семъ народѣ, что происходитъ отъ неопрятной жизни. Однакъ оборванецъ пришелъ торговаться, мириться съ десятью тысячами Русскихъ; мы ему не удивлялись, не хохотали какъ прежде, ибо насмотрѣвшись, привыкли къ войнѣ и дѣй-

отдѣламъ племени, въ коемъ нѣтъ никакого единства и власти; гдѣ всякой дѣлаетъ, что хочетъ, не отдавая отчета ни кому; гдѣ одинъ законъ кровомщенія (благодѣтельный при сихъ нравахъ), законъ всемогущій и непреложный а), служитъ порукой безопасности во взаимныхъ обращеніяхъ и сношеніяхъ сихъ необузданныхъ людей.

Но отысканный свѣжій слѣдъ орудій отвратилъ вниманіе отъ завязавшейся негоціаціи; и голова отряда повернула въ лѣво, по дорогѣ къ Веени, лежащемъ пять верстъ за Аксаемъ, который не много лѣвѣе круто поворачиваетъ на сѣверъ. Сдѣлавъ версты полторы, поперегъ гребня возвышеній, мы увидѣли, въ вышесказанномъ направленіи, новую магическую перемѣну декорацій. Отъ подошвы возвышенія, воздымавшагося живописно, простиралась подъ нашими ногами на нѣсколько

а) Сей законъ столь силенъ, что человѣкъ десять засѣвшихъ Чеченцевъ, по ошибкѣ застрѣлившихъ одного Чеченца (изъ нашихъ проводниковъ) въ ту же минуту разбѣжались, чтобы ихъ не узнали; ибо, по закону кровомщенія, всѣ подозрѣваемые зовутся родственниками убитаго и обязаны объявить, кто именно убійца; кто же по сему зову не явится, тотъ подвергаетъ себя закону кровомщенія.

сотъ саженъ возвышенная долина, во всей роскоши юнаго весеннаго произрастанія; она кончалась ужаснымъ обрывомъ, для глаза незамѣтнымъ съ возвышенія; обрывъ сей составлялъ лѣвый шамосъ тѣснины Акеая. Правая сторона тѣснины, сопровождалась цѣпью нависшихъ надъ оной горъ, коихъ идеальныя формы измѣняются съ каждымъ шагомъ: покатость ихъ крута, почти отвѣсна; подошва заслонена обрывомъ. Сія покатость покрыта лѣсомъ, съ разнообразіемъ округлостей, очерченныхъ непроходимыми оврагами и рытвинами; она убрана огромными зелеными гирляндами, кои, развѣшенныя прихотливо, висятъ своенравно; малѣйшее дуновеніе вѣтра, кажется, должно привести оныя въ движеніе; столь легко кажется сіе убранство горъ. Верхъ хребта являлъ опять возвышенную плоскость, покрытую лѣсомъ, на которой три, четыре поляны, въ порядкѣ, будто шахматномъ, расположены были одна за другою до гребня, зелень коего обрисовывалась на чистой, непорочной лазури южнаго неба. Кто могъ полагать съ нашей точки зрѣнія, что сей ландшафтъ, сладкій для взора, какъ юная дѣва, столь же обманчивъ, какъ сердце ко-

кепкія, и что сія улыбающаяся местность почти непроходима! Но начавшееся дѣло еще болѣе оживило картину; на противо-положныхъ полянахъ перебѣгали Чеченцы; большая часть ихъ ожидала насъ въ обры-вахъ Аксая; загремѣло орудіе и болтливое эхо отъ Терскомъ разъ десять повторило выстрѣлъ сей; вскорѣ раздался звукъ гор-новъ, завязался сильный ружейный огонь, между коими выстрѣлы пушекъ были какъ низкіе тоны въ общихъ звукахъ оркестра; дымъ отъ пальбы, волнуясь, началъ рас-пространяться, разстилаться по зеленому ламосу хребта, драпируя оный фестонами газа бѣлаго, легкаго, прозрачнаго. Волшеб-ная опера была тогда въ нашихъ глазахъ, но не на тѣсной, удушенной сценѣ — а на дѣлѣ, въ природѣ. Дымъ подымался болѣе и болѣе, чаще стали перебѣгать Чеченцы, кучки ихъ пропадали, разбѣгались отъ гра-наты, коими угощали черезъ оврагъ; нако-нецъ опушка лѣса, на первой полянѣ, обри-совалась правильно бѣглымъ огнемъ нашихъ стрѣлковъ, и изрѣдка подымался столбомъ клубившійся дымъ горныхъ орудій, ибо легкая артиллерія по кручѣ спуска и подъ-ема, осталась на лѣвой сторонѣ Аксая; наконецъ показалась и чернѣвшаяся колонна

отряда, обхваченная со всѣхъ сторонъ ружейнымъ огнемъ; она подвигалась медленно, по направленію къ Бѣени, и наконецъ потонула въ зелени лѣса. Одинъ гулъ пушечныхъ выстрѣловъ намъ говорилъ нѣсколько времени о товарищахъ, совершенно отдѣленныхъ и непріятелемъ и тѣсниной. Передъ вечеромъ разбили лагерь надъ обрывомъ; намъ оттуда было видно, какъ Чеченцы, добровольные союзники, подающи собратьямъ руку помощи и натѣшившись въ волю, разходились по домамъ вдоль хребта небольшими кучками, съ тѣмъ чтобы поѣсть, похвастать удальствомъ — уснуть и опять, геройствовать съ нами. Изрѣдка только роковая граната свиснѣла мимо неосторожной кучки, которая разбѣгалась тотчасъ врозь.

Вечеромъ окрестность повторила непробившую зорю, и зоревой выстрѣлъ, и звукъ лопнувшей гранаты, звукъ уже смягченной; но тщетно мы прислушивались, не дойдетъ ли зоря и зоревой выстрѣлъ отдѣлившагося отряда. Лишь ясно горѣли звѣзды на безоблачномъ небѣ, и лишь нѣсколько непріятельскихъ огоньковъ теплились на

противоположныхъ вершинахъ, кои, какъ громовыя тучи, заслоняли насъ непорочной тверди.... Изрѣдка только одинокій ружейный выстрѣлъ носясь съ грохотомъ по ущелью Алоня и раздольное теченіе рѣки слегка нарушало совершенную тишину;

По утру на другой день, мы узнали посредствомъ почтальона Чеченца, что лишь тѣла двухъ орудій найдены брошенными въ пропасть, ибо лафеты и прочая принадлежность были изломаны, а оковка разобрана жителями, и что за недостаткомъ канатовъ оныя вытащатъ.

Тому же Чеченцу тотъ часъ поручили доставить въ Веени пукъ каната. Онъ стоялъ надъ обрывомъ, съ послѣднимъ словомъ кивнулъ головой, соскочилъ въ обрывъ и въ секунду, въ мгновеніе ока, скрылся въ кустахъ, исчезъ какъ мышь изъ подъ лапы неопытной кошки — проскользнулъ, какъ змѣя — сколь ни старались открыть его слѣдъ, но тщетно... Никто не могъ замѣтить, гдѣ онъ пробирался.

Во время обѣда, звуки выстрѣловъ стали доходить до насъ и въ скоромъ времени, сверхъ всякаго ожиданія, на по-

слѣдней подвижной показался впередъ, обратно возвращавшійся.

Орудія направлены для очищенія противоположнаго откоса стрѣлками, гдѣ Чеченцы опять засѣли, и градъ чугуна до тѣхъ поръ туда сыпался, пока наши не подошли подъ выстрѣлы. Не смотря на то, сильнѣйшій ружейный огонь завязался тамъ; звукъ горновъ, въ горахъ столь пріятный, раздавался по всему протяженію ската; изрѣдка звонкое *ги ги* а) или протяжное ура долетали до насъ; на половинѣ горы мы часто видѣли, сквозь деревья, отступающій резервъ аріегардной цѣпи, выстрѣлы коего представляли полукругъ бѣлѣвшійся, безпрестанно измѣнявшійся, и, слѣдомъ за онымъ, Чеченцы. Они сбѣгали въ низъ, по нѣскольку человѣкъ и украдкой дѣлали нѣсколько десятковъ шаговъ, припадались за деревья или камни, пропадали отъ взора и ихъ можно было угадать только по мгновеннымъ огонькамъ. Иногда было видно, какъ, собравшись въ кучку и бросясь на шашки, убѣгали назадъ отъ остановившагося резерва, въ срединѣ коего сверкала безпрестанно молодецкая офицерская сабля, поднятая вверхъ. Иногда мы съ вос-

а) Крикъ горскихъ народовъ вообще во время натиска,

шорпомъ аплодировали будто въ креслахъ партера, видя какъ они припадали отъ визга картечи и послѣ проворно тащили кого-либо изъ своихъ на верьхъ.

Всѣ толпились надъ обрывомъ, изъ коего выходили усталыя лица, покрытыя потомъ, какъ нить тѣней; но вступивъ въ лагерь, ставъ на твердую землю, они оживлялись радостнымъ чувствомъ удачнаго дѣла; всякой встрѣчалъ тутъ знакомыхъ и всѣ привѣтствовали другъ друга, забывъ, что разставались только на одинъ день — какъ будто были врозь сто лѣтъ. Наконецъ показались взятыя два тѣла орудій, привязанныя къ горному лафету, который солдаты тотчасъ потащили на себѣ. Всѣ, остававшіеся по сю сторону Аксая, стѣснились вокругъ сего лафета, не разбирая чиновъ, не соблюдая дисциплины и приличій; всякой торопливо продирался, чтобы взглянуть на пару холодныхъ цилиндровъ, какъ на возвращеннаго друга; всякой съ привѣтствіемъ старался дотронуться до двухъ кусковъ мѣди, какъ иногда продираемся сквозь толпу, чтобы крѣпко пожать руку стариннаго пріятеля; многіе изъ солдатъ обнимали нечувствительный металлъ со слезами на глазахъ; они лобзали сей ме-

шалъ — будто въ немъ заключалась жизнь, будто могъ онъ отвѣчать на ихъ пламенныя ласки.

Баронъ подошелъ къ симъ орудіямъ и, какъ бы въ знакъ того, что онѣ принадлежатъ намъ опять, положилъ руку на нихъ: звукъ радостный, громкій, оглашая окрестность, воспарилъ къ поднебесью; это было ура, коимъ привѣтствовали возвращенныя орудія, привѣтствовали другъ друга, привѣтствовали день счастливаго дѣла. Звуки умолкнувшей битвы не были столь громки, какъ сіе радостное ура, которое стогласное эхо съ ропотомъ понесло вдоль тѣснинъ и ущелій. Также какъ вчера, но только повѣся носы, союзники по домамъ расходились вдоль противоположной стороны; и изрѣдка только иной изъ нихъ ругался; изрѣдка для одной потѣхи, бросали гранату въ неосторожную кучку.

На другой день возвратились мы къ Бѣлгатою, откуда завидѣли нѣсколько сотъ человѣкъ конныхъ Андійцевъ, на противоположной Іолгатойской долинѣ, коей жители не хотѣли покоряться; часть отряда переправилась черезъ Аксай и очутилась тамъ. Сады, огороды, сакли, столь намъ

нравившіяся, были совершенно истреблены безъ сопротивленія. Въ потемкахъ возвращались въ лагерь, опять занятый надъ пустениной, на мѣстѣ исковерканномъ природой.

Въ совершенно темную ночь, не смотря на ясное небо, любопытно было взглянуть на узкую полосу отряда, обозначенную яркими кострами, неправильно разбросанными, и подъ ногами, и надъ головой, около коихъ рисовались мрачно группы людей и видны были: тутъ — солдатъ, который протянувъ руки и распустивъ пальцы, отъ огня отвернулъ лице; около него съ неподвижными чертами Татаринъ, который, сидѣлъ, поджавши ноги, и копался въ золѣ; рядомъ Грузинъ, въ отрепьяхъ, мурлычалъ равнодушно однообразные звуки своей народной пѣсни, подобные гаммамъ, извлекаемымъ изъ клавишъ неопытными пальцами ребенка; но одаль бѣсновался Ширванецъ; странные переливы его горла казались хлипѣньемъ, стономъ, надгробнымъ плачемъ наемной старухи. На другой сторонѣ, за чернѣвшейся бездной обрыва, были рѣзко освѣщены и оттѣнены сакли, стоявшія въ пламени, и копны зажженнаго сѣна. Для окончательнаго истребленія тамъ оставался еще батальонъ; солдаты пере-

бѣгали торопливо съ пуками горящей соломы и на мрачномъ огненномъ горизонтѣ качались, будто подземные духи.

Все возвратились наконецъ; послѣ зоревого выстрѣла огласились на всемъ пространствѣ отряда звуки вечерней зори — нестройные звуки, несогласныя ноты, вокальный хаосъ, неправильное бореніе, волненіе тоновъ, въ коемъ отдѣльное дребезжаніе кавалерійскихъ трубъ (конныхъ Мусульманскихъ полковъ) было подобно свисту налетавшаго вѣтра, въ общемъ смятеніи шторма на открытомъ морѣ. Оживленный лагерь мертвѣлъ постепенно; пожаръ Іолгатоя началъ слабѣть, ибо отъ пламенныхъ саклей оставались лишь остовы, обведенные огненными чертами, которые обрушались одинъ за другимъ, при чемъ лишь нѣсколько искръ выбрасывалось въ верхъ. И въ семъ кровавомъ полусвѣтѣ иногда виднѣлся одинокій Чеченецъ, какъ Саміэль, выходящій изъ земли въ Стрѣлкѣ; онъ торопливо крался къ обрыву; съ противной стороны загарался мгновенный огонекъ и безсильная пуля жужжала, какъ пчела, на которую цѣпь отвѣчала презрѣніемъ.

Во время холоднаго утра, отрядъ поднялся къ Бѣлгатою, покинутому жителями, коимъ еще не случалось испытывать кары Русскихъ. Весело, живо, проворно тащили солдаты дрова и сухой хворостъ во внутренность саклей; въ полчаса запылали сіи дома, отстроенные гораздо лучше и прочнѣе, чѣмъ на плоскости Чеченской. Я грѣлся нѣсколько времени предъ яркимъ огнемъ съ довольною улыбкой, и садясь на коня, для рѣдкости, закурилъ трубку частицей пожара. И какъ дикій звѣрскій Индѣецъ куритъ мирную трубку съ стариннымъ врагомъ, такъ и я раскурилъ трубку вражды съ народомъ вѣроломнымъ, хищнымъ, для Русскаго неприязненнымъ. И хотя былъ мирный гражданинъ, хладнокровный зритель, не электризированный боемъ, но все таки я заплатилъ тогда дань національному чувству.

На обѣихъ сторонахъ Аксая были видны толпы неприятеля, который обходилъ насъ съ права; почему отрядъ началъ отступать, обнимая гребни и овраги, откуда вредить представлялась возможность. Мы скоро переѣхали на прежнюю позицію къ Цонтери, въ толпѣ Татаръ, тутъ безполезныхъ. Небо было задернуто солдат-

ской шинелью, облака гуляли по гребнямъ, густой дымъ отъ зажженнаго сѣна стлался повсюду, со всѣхъ сторонъ загорѣлся ружейный огонь и орудія гремѣли; изрѣдка только, когда прочищался туманъ, открывались колонны съ противолежащими иными вершками и нестройными на нихъ кучами неприятеля. На семъ пунктѣ мы обѣдали по походному и не смотря на кусокъ, дорогой въ то время, покидали приборъ для подзорной трубки, для несчастливца сраженнаго роковой пулей.

Правый флангъ отступилъ наконецъ передъ вечеромъ и на противоположной сторонѣ показались линейки огней аріергардныхъ стрѣлковъ, кои, сбѣгая съ высоты, попеременно очутились за протокомъ. Тутъ умолкнуло дѣло: ибо, отступая по знакомому и выгодному мѣсту, наши задали славнаго чоса Чеченцамъ, Андійцамъ, Гумбетовцамъ и другимъ союзникамъ изъ Лезгинъ, въ коихъ жаръ воинственный простылъ до утра.

Весь отрядъ въ верхъ потянулся на возвышенную покатость къ с. Цонтери, которое были обречено на всесожженіе. Ночь наступала и густой туманъ дозво-

ялъ видѣть лишь на нѣсколько шаговъ, какъ предметы, такъ и другъ друга: вдругъ въ срединѣ штаба появились со свистомъ преступныя пули, по звуку выстрѣловъ устремилась туда рота: туманъ, упавъ какъ нарочно, обнаружилъ нѣсколько папахъ а), торчавшихъ на сосѣднемъ гребнѣ. Но открытыя шапки пропали въ туже минуту; наши стрѣлки тамъ залегли, какъ во время облавы на хищнаго звѣря.

Въ вновь занятомъ лагерѣ ночевали, скучая по вагенбургѣ, подвижномъ нашемъ отечествѣ; ибо запасы истощались, вино пили только за генеральскимъ столомъ, закусывали, гдѣ попадется, и, совѣстясь, ходили къ артиллеристамъ, кои возили съ собой контрабанду, т. е. и хлѣбъ, и вино, и водку, и ромъ; мы же занимали другъ у друга чай и сахаръ; не было водки и многіе сидѣли въ потемкахъ, подъ защитой солдатской палатки.

Отрядъ пошелъ обратно по продолжительному гребню другаго хребта, покинувъ въ лѣво прежнюю дорогу, гдѣ ожи-

а) Вообще названіе Азіятской шапки.

дали насъ туземцы, кои, испортивъ оную нарочно, послѣ, вѣроятно, принуждены были чинить ее. Обманутые симъ движеніемъ, непріятели часа чрезъ два только увязались за аріергардомъ. Загорѣлся ружейный огонь и выстрѣлы пушекъ вторились эхомъ, когда мы очутились около с. Гурдели-Юрта, на полуобнаженныхъ живописныхъ вершинахъ, гдѣ развѣсистая лыча а) краснѣла и желтѣла отъ созрѣвавшихъ и созрѣвшихъ фруктовъ; вмѣсто того чтобы обрывать оные, всякой ломалъ для себя большую вѣтвь сего дерева и ѣхалъ будто съ искуственной праздничной вербой, поспѣшно обирая съ ней фрукты.

Сакли аула были раскинуты за глубокимъ оврагомъ на открытой полянѣ; не много поодаль, подъ тѣнью огромныхъ деревъ грецкихъ орѣховъ, стояли жители въ двухъ-трехъ кучкахъ; имъ вѣрно стало жаль своей деревни; ибо въ скорости отдѣлился депутатъ и переговоры начались извѣстнымъ порядкомъ — за полверсты; послѣ чего очутился посреди насъ

а) Порода сливъ, и видомъ и вкусомъ совершенно сходны съ такъ называемыми *венгерками*.

аманатъ — оборванный мальчишка, коего будутъ даромъ кормить и одѣвать, до тѣхъ поръ пока обнаруженная шалость соотчичей не отправитъ его куда-либо на службу, безъ выдачи зачетной квитанціи. Отецъ аманата или аманатчикъ привезъ генералу свѣжихъ грецкихъ орѣховъ и вздумалъ насъ также подчивать; въ минуту, въ секунду разхватали все, и въ добавокъ оборвали на немъ мѣшки и карманы. Между тѣмъ аріергардъ приближался въ конвоѣ Чеченцевъ, ихъ наводили на орудія и подъ часъ исправно угощали картечью; на концѣ сбѣгавшей внизъ продолговатой поляны, ихъ круглыя шапки показались изъ за деревъ и за плетнемъ; но вновь покорившіеся жители, пользуясь видно правомъ собственности, приказали непріятелямъ сойти съ чужой земли и на мгновенье избавили насъ отъ этихъ піявокъ, вѣроятно съ тѣмъ, чтобы по нашемъ уходѣ соединиться вмѣстѣ и за одно преслѣдовать. Время было ясно, дорога шла по изгибамъ гребня хребта и при безпрестанныхъ спускахъ, подъемахъ, надъ коими нависли обрывы покрытые зеленью, масса всадниковъ, тѣсно ѣхавшихъ, являлась пестрой полосой туловищъ, разноцвѣ-

тнымъ потокомъ головъ, который бѣжалъ съ журчаніемъ, заключенный въ зеленыхъ стѣнахъ. Между тѣмъ назади, иногда по бокамъ раздавалась ружейная перепалка, не много стихавшая послѣ грома орудій.

(до слѣдующей книжки.)

III.

КАВКАЗСКІЯ КАРТИНЫ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ОЧЕВИДЦА.

(окончаніе.)

Часа за два до захожденія солнца, голова узкой колонны отряда поворотила внизъ на позицію къ Шеени, въ право отъ дороги; самая же дорога пролегала черезъ хребетъ, ближняя вершина коего спускалась въ глубокое чернѣвшееся ущелье пятью-шестью огромными, почти отвѣсными уступами, подобными исполинскимъ террасамъ. Оттуда открывалась вокругъ лежащая система Кавказа и весь театръ настоящихъ военныхъ дѣйствій; желтѣвшаяся дорога, пройденная нами въ тотъ день, обозначалась на зелени лѣса, какъ узкія черты кармина свѣжихъ губъ на нѣжномъ лилейномъ лицѣ. Долго оставался я на сей вершинѣ и смотрѣлъ, какъ кучки аріергадной цѣпи, систематически сбѣгали внизъ, пуская бѣглый огонь, какъ слились онѣ наконецъ съ постами отряда. Минутъ черезъ пять, на желтѣвшейся полосѣ дороги, показались украдкой, изъ подъ зеленаго свода, два бурыя платья, двѣ бѣлыя шапки, и тотъ часъ ускользнули въ

лѣсъ. Человѣкъ двадцать пробиралось за ними, они перебѣгали дорогу, оглядывались, какъ плотоядный звѣрь, и, разъ остановившись пропадали отъ взора, превращаясь въ древесные пни; такимъ образомъ они подползли ближе къ цѣпи отряда. Съ верхней исполинской террассы можно было лишь замѣтить изъ за рва едва бѣлѣвшіяся шапки; въ близи отъ постовъ падали слабыя пули, но солдаты, не жалѣя патроновъ, отвѣчали на каждый выстрѣлъ десятью. Не видя поживы, Чеченцы вскорѣ отретировались по своему. Но я, какъ зритель, былъ жестоко раздосадованъ, ибо тотъ часъ послѣ ухода ихъ изъ засады, наша граната, будто мячикъ, брошенный вѣрной рукой, прямо попала въ ровъ, двумя-тремя веселыми рикошетами скользнула въ доль дороги и лопнула въ гущѣ лѣса. Спокойно ретировавшіеся герои встрепенулись, какъ куча испуганныхъ птицъ, пропали отъ взора и, очутясь на дальнихъ вершинахъ, только что ругались оттуда. Мы ночевали при кровавомъ свѣтѣ внизу пылавшаго Шеени.

Первую половину послѣдняго дня пребыванія нашего въ Нахчимахѣ, стрѣлки безпрестанно дрались на какомъ-либо изъ

пунктовъ протяженія отряда, ибо при малѣйшей мѣстной удобности, жители провожали цѣпь ружейнымъ огнемъ; раза при также встрѣтили они авангардъ въ завалахъ, приготовленныхъ изъ сваленныхъ деревьевъ, кои были очищены безъ выстрѣла штыками. Но версты черезъ четыре, послѣ привала, сдѣланнаго въ полдень, насъ оставили въ покоѣ; вѣрно союзникамъ драться стало въ тягость; вѣроятно, отдалившись отъ жилищъ и не видя поживы, кромѣ солдатской пули, они поторопились домой.

Авангардъ былъ въ лѣсу захваченъ ночью. Мы шли по покатости, болѣе и болѣе склонявшейся; лишь по прямой линіи просѣка доходилъ слабый сомнительный свѣтъ, едва освѣщавшій двѣ совершенно черныя стѣны исполинскихъ деревьевъ, сопровождавшихъ дорогу; узкая колонна, шедшая торопливо, терялась во тьмѣ и была подобна потоку, сбѣгавшему въ бездну. Лѣсъ кончился, половина неба, усыпаннаго звѣздами, открылась взгляду, который могъ окинуть также огоньки, свѣтившіеся въ мирныхъ лугахъ Качкалыковъ и небольшую линейку бивачныхъ огней отряда, расположеннаго на плоскости. Дорога начала сбѣгать путь

круто; лошадь должно было держать на поводьяхъ коротко, чтобы она не спотнулась, чтобы не наткнуться на какой либо шпыкъ. Три версты мнѣ показалось цѣлою вѣчностью; ибо гостепріимные огни, мелькая въ самомъ будто близкомъ разстояніи, безпрестанно отдалялись отъ насъ.

Палатки разбили у с. Хошь-Гелды; сіи два татарскіе слова значатъ по русски: добро пожаловать; и точно всякой изъ насъ говорилъ сему мѣсту: добро пожаловать; всякой радовался, что оставилъ сторону, гдѣ каждая, видимая глазу рытвина, была измѣна, каждый кустъ — *предатель*-убійца.

На другой день мы окидывали дружескимъ взглядомъ голую неизмѣримую равнину, развернутую передъ нами; она сливалась съ синевой горизонта и теченіе Терека обозначалось легкой полосой тумана въ зеленѣвшейся лентѣ лѣса; прикрывающія линію укрѣпленія и нѣкоторыя изъ казачьихъ станицъ виднѣлись, какъ неясныя пятна. Сія безконечная степь была скучна, единообразна, но взглядъ привѣтствовалъ ее дружески; ибо тѣснины хребтовъ, не смотря на свою миловидность, все были

темницей для взора, который, стряхнувъ будто тяжкіе узы, гулялъ теперь на просторѣ, скользилъ по степи, лаская ее съ улыбкой, находя въ ней приятность и прелесть, которыхъ не могъ бы найти разочарованный глазъ; и наконецъ взглядъ сей, уныло остановившись, терялся, тонулъ въ протяженіи безконечномъ, какъ открытое море; онъ искалъ границъ тамъ, гдѣ былъ предѣломъ воздухъ; строилъ воздушные замки въ семъ неопредѣленномъ пространствѣ, творилъ идеалы, коихъ не могло быть на дѣлѣ. Ибо подобная безпредѣльность настроиваетъ воображеніе, погружаетъ въ тихую задумчивость, пораждаетъ ощущенія, въ коихъ не можемъ дать себѣ отчета, возбуждаетъ чувства, подобныя сну, послѣ коего пробужденіе неприятно.

Странно было видѣть оборванныхъ мирныхъ Азіятовъ и ихъ женщинъ — красавицъ востока — обернутыхъ въ отрепья, кои, мѣшаясь съ солдатами, продавали жизненные припасы и домашнія рукодѣлья: сія взаимная довѣренность была какъ будто не въ порядкѣ вещей, она какъ будто насъ удивляла.

Другой отрядъ былъ видѣнъ версты за четыре; мы утромъ тронулись въ семъ направленіи. На половинѣ начальникъ онаго встрѣтилъ Б. въ мундирѣ и лентѣ и за нимъ огромная свита линейцевъ, тузенныхъ владѣтелей, князей и князьковъ, въ народныхъ костюмахъ выложеныхъ галунами, на коихъ блестѣли, горѣли эполеты, патроны, оружіе, оправленныя серебромъ; сія пышность, сей блескъ издѣвались надъ нашей простой и небрежной одеждой, на коей были видны слѣды похода и тяжкихъ трудовъ.

Азіяты а) стали скакаться, перегонять другъ друга; въ эту минуту, соскучившіеся въ горахъ Грузинскіе Князья и Татарскіе Беки, ожили вдругъ на равнинѣ и приняли вызовъ, будто предложенный линейскимъ костюмомъ. Они всѣ вмѣстѣ смѣшались, рисовались, порхали по сему ровному мѣсту; рѣзвились какъ шалунъ, убѣжавшій изъ класса, какъ женщина, на короткое время ускользнувшая изъ подъ надзора ревнивца. Князь, красавецъ Грузинъ, уходилъ отъ линейца, который до-

---

а) Общее названіе, подъ коимъ Русскіе солдаты разумѣютъ всѣхъ тузенцевъ.

родимъ его, пригнувшись къ лукѣ; и оба, бросивъ поводья, неслись, отданные на произволъ вѣтра, играли тяжелой винтовкой, какъ легкой тростиночкой, глазами измѣряли другъ друга; осьми-гранной стволъ бывалъ на ровнѣ съ плечомъ; потомъ опять опускался, и оба обращались къ намъ крупью и проворнымъ вольтомъ и ѣхали на встрѣчу игривой рысью, съ довольной улыбкой. Сія пестрая толпа, разнородная нарѣчіемъ, обычаями, одеждой, соединялась въ глазахъ нашихъ и разсыпалась врозь; всѣ вмѣстѣ стрѣляли изъ ружей или пистолетовъ, гарцовали, и бѣснуясь, являли всю прелесть и картинный взглядъ фланкировки восточныхъ народовъ.

Мы вступили въ лагерь, гдѣ Б. ожидали два батальона въ стройныхъ рядахъ, во всемъ блескѣ регулярнаго войска; каждый изъ сихъ солдатъ былъ солдатъ Европы. Кто могъ бы подумать, что онъ кровавой товарищъ съ тѣмъ, который вступалъ въ лагерь, съ солдатомъ загорѣлымъ, нечистымъ, небритымъ, который въ обожженной шинели, горбился подъ запачканнымъ полотнянымъ мѣшкомъ и имъ кормился двѣ недѣли, подобно Римскому легіонеру? Не ужели тотъ же солдатъ, начальникъ

надѣвъ тыкву, по цѣлымъ суткамъ шагаетъ небрежно въ шеренгѣ, не заботясь, гдѣ будетъ ночлегъ и есть ли мосты на горныхъ сердитыхъ потокахъ? Кто можетъ повѣрить, что этотъ солдатъ, въ изорванной шапкѣ, нацѣпивъ пукъ какарузы на сумку (изъ коей патроны иногда помѣщены у него на груди, какъ у линейца), дѣлаетъ цѣлой перехода, будто по битой дорогѣ, въ стрѣлковой цѣпи, по рвамъ и оврагамъ, по кручамъ и дремучему лѣсу, подъ градомъ пуль неотвязныхъ Чеченцевъ? Одинъ только Русской солдатъ имѣетъ сію способность: изъ похода въ парадѣ веселъ, бодръ, красивъ и блестящъ, а въ походѣ — замаранъ; въ дѣлѣ — блеститъ одно ружье, свершаетъ одинъ выстрѣлъ; крикнувъ ура — онъ не стрѣляетъ болѣе.

Перешедъ хребетъ Качкалыковъ, мы встрѣтили на Чеченской плоскости вагенбургъ, двинувшійся на встрѣчу. Безъ насъ явился тамъ мальчикъ Чеченецъ, бѣжавшій отъ утѣсненій мачихи, покинувшій роднаго отца, который не могъ защищать его отъ злобной женщины. Въ нѣсколько дней онъ привыкъ совершенно и встрѣчалъ насъ какъ давнишнихъ знакомыхъ. Сей двѣнадцатилѣтній мальчикъ

былъ удивительно боекъ и развязенъ; не морщась пилъ водку и дрожалъ отъ восхищенія при видѣ оружія; по всему было замѣтно, что въ немъ созрѣвалъ разбойникъ лихой, отважный и хищный.

Въ вагенбургѣ очутились мы какъ дома, нашли возможныя удобства неудобной походной жизни.

Смѣшанный звукъ голосовъ, хохотъ и вопли разбудили меня послѣ обѣда. Вышедши изъ палатки, я послѣдовалъ за общимъ теченіемъ къ мусульманскимъ полкамъ, гдѣ въ срединѣ огромнаго круга, начиналася борьба между Грузиномъ и Карабахомъ, отличавшимся только по выбритой головѣ; ибо оба, раздѣтые до нага по самые чресла, имѣли смуглое тѣло, загорѣлыя лица. Средній ростъ, но плотныя широкія плеча, массивныя жилистыя руки говорили о силѣ обоихъ, ручались, что оба противника достойны другъ друга. Издали, изъ подлобья, размѣнявшись взглядами, они встрѣтились и какъ будто два пріятеля, важно положили огромныя ладони на плеча другъ другу. Хотя сіе возложеніе дланей было не что иное, какъ четыре сильные удара, звукъ коихъ разнесся по всему кругу, но неподвижныя мрачныя ихъ лица не измѣнились ни

мало; они прямо смотрѣли другъ другу въ глаза и по рѣдкой только перестановкѣ ногъ можно было угадать, что начинали пробовать взаимную силу и что одинъ другаго хотѣлъ сдвинуть съ мѣста. Но движеніе ногъ стало живѣе, злоба одушевляла постепенно ихъ неподвижныя лица, одинъ другаго хотѣлъ потрясти, какъ мы иногда хотимъ тряхнуть развѣсистое дерево. Потомъ, оба отступивъ, схватились, сплелись, давили, душили другъ друга — но безъ вопля, безъ стона, безъ восклицаній; однѣ толстыя жилы (кои, надувшись, лежали подъ кожей, какъ бичевки) давали знать о взаимномъ ихъ напряженіи; зрители, бывшіе съ начала въ недоумѣніи, оживились съ сею борьбою. Съ одной стороны Грузины, съ другой Татары ободряли борцевъ дикимъ смѣшеннымъ воплемъ.

Первые стихли, ибо Карабахъ, за шею уловивъ Грузина, пригнулъ къ землѣ, но не опрокинулъ на спину, что побѣдитель непремѣнно обязанъ сдѣлать. Онъ пригнулъ его къ землѣ и оба оставались въ семъ положеніи минуты съ двѣ, являя неподвижную группу, которая мгновенно обращенная въ мраморъ, могла обезсмертить рѣзецъ, ее породившій. Полуторжествующій, по-

лунедовѣрчивый Карабахъ давилъ Грузина; лице послѣдняго, не много отвороченное, выражало силу терпѣнія, страдательное сопротивленіе, надежду утомить противника упорствомъ и стряхнуть подавляющую его тягость. Взаимно обхвативщись, они оставались неподвижны, ибо отдыхали въ семъ напряженіи и сбирали остальныя силы, чтобы приступить къ отчаяннымъ мѣрамъ, дабы окончательно побороть одинъ другаго. Наконецъ оба, будто сговорившись, въ одно время перевели духъ со стономъ; и обширный кругъ зрителей умолкъ. Глазъ едва успѣвалъ слѣдить проворныя быстрыя движенія сихъ двухъ людей, кои, впившись другъ въ друга, двигались какъ цѣлое нераздѣльное существо, кои обвившись, какъ змѣи, изгибались проворно, переплетались взаимно. Въ сей борьбѣ пари казалось безполезно: ибо можно было ручаться, что, равно сильные, оба они испустятъ духъ въ одно время отъ непомѣрнаго напряженія и окостенѣвъ представятъ образецъ удивительный для скульптора. Они опять остановились, но остановились на самое короткое время, лишь на секунду; сія секунда была отчаянный отдыхъ, въ который сбира-

;ли они послѣднія исполинскія силы; съ воплемъ схватились они еще крѣпче, еще крѣпче пряхнули другъ друга, и раздался звукъ сильно упавшаго тѣла, и протяжный стонъ Карабаха всѣмъ послышался. Татаринъ лежалъ на спинѣ, а надъ его шеей Грузинъ, съ торжествующимъ звѣрскимъ голосомъ; въ злобѣ, не имѣя кинжала изъ простника (какъ древній боецъ), онъ хотѣлъ руками докончить побѣжденнаго. Но кругъ зрителей на нихъ нахлынулъ съ радостнымъ крикомъ, съ горестнымъ воплемъ; ихъ оторвали другъ отъ друга. Толпа Грузинъ, поднявъ побѣдителя, понесла съ торжествомъ; куча Татаръ повлекла Карабаха, потащила въ палатку, желая скрыть свое униженіе и легкимъ полотномъ прикрыть пристыженную національную гордость.

Мы вечеромъ увидѣли по прежнему передъ палаткой В. два хора музыкантовъ и хоръ пѣсельниковъ къ нимъ въ добавокъ. Послѣ громкой старинной музыки, запѣвало началъ заливаться, звонкое *жги* покрывало его голосъ, и кривляясь, бѣснуясь, ходилъ гренадеръ съ парой ложекъ въ тѣсномъ кругу; онъ плясалъ въ присядку съ пронзительнымъ свистомъ. Вдругъ оборвалась пѣ-

сня, прекратилась какъ шагъ баталіона, который остановленъ въ ногу по командѣ: *стой!* и тишина прервалась томнымъ стономъ пѣсни татарской, положенной на ноты.

Огромной почтительный полукругъ былъ около ставки и въ немъ представлялись эполеты различныхъ степеней и сортовъ, гражданскій сюртукъ съ измятой круглой шляпой, и Ханъ съ свитой нукеровъ а), и Грузинъ въ пестрой чухѣ, и Бекъ въ яркомъ кафтанѣ, и въ женообразномъ костюмѣ Курдинъ, и въ концѣ живой перспективы, вогнутый рядъ шемахинскихъ князьковъ и старшинъ Осетинъ, Кабардинцевъ, Ингушей, въ бурыхъ черкескахъ являвшихъ длинное протяженіе открытыхъ головъ.

Послѣ захожденія солнца ракеты, пристыженныя въ горахъ, опять возгордились, дерзко и смѣло понеслись вверхъ, покидая земную поверхность, назадъ не хотѣли возвращаться и лопнувъ съ блескомъ и трескомъ въ горнихъ предѣлахъ, лишь бросали, изъ презрѣнія къ намъ и земному, обломокъ хвоста, ниспадавшаго какъ легкая искра, сообразуясь съ закономъ Ньютона. За грохотомъ заревой пушки слѣ-

---

а) Слуга.

довали отдѣльные несогласные звуки зари, заглушаемые музыкой.

Между тѣмъ сомнительный, трепетный свѣтъ отъ костра боролся съ кроткимъ, но постояннымъ сіяніемъ луны, которая съ безоблачной тверди смотрѣла на насъ съ выраженіемъ большихъ голубыхъ очей.

И бѣглые звуки состарѣвшейся французской кадрили (изъ Сороки Воровки) напоминали прежнее время и рисовали волшебную залу; прелестное, свѣжее, роскошное созданіе чаровало васъ легкимъ прикосновеніемъ нѣжнаго пальчика бѣлой и твердой руки, искусно обточенной, небрежно полузакрытой благовонною перчаткой.

Но иные звуки пробуждаютъ васъ; это лезгинка — игривые странные звуки, быстрыя смѣлыя ноты, кои будто хохочатъ, отважные тоны, кои скачутъ, играютъ, резвятся въ воздушномъ пространствѣ! Мальчишка Чеченецъ Шихъ-Али-Ханъ очутился въ кругу противъ князька-юноши Кабардинца; при мѣрныхъ ударахъ въ ладони, они оба пустились въ пляску разныхъ племенъ, состязаясь другъ съ другомъ. Подбоченясь, гордо озирался князекъ; его мужскія, но стройныя, женскія ножки, легко скользили по землѣ, онъ плавно под-

нимал, округлял руки, наклонял тѣло, не просил, но требовал похвалы. И живописно и странно, под мѣру рѣзвился Ших-Али-Хан, быстро прыгал скакал и вертѣлся, как игривые звуки лезгинки. Оба вмѣстѣ остановились. Кабардинец поклонился на всѣ стороны с гордым лицем и сошел со сцены тихо; с хохотом кувыркнулся Ших-Али-Хан и выскочил из общаго круга.

Умолкли хоры, всѣ разошлись, всякой, продрогнув, с улыбкой выпил добрую рюмку водки, шиш-лык залил стаканом вина и уснул покойно на болѣе мягкой постелѣ, под теплым тулупом.

Огни погасли постепенно в полу-прозрачных палатках; костры потухали и изрѣдко только вдали дребезжала татарская пѣсня. Все наконец умолкло и раздавалось уныло лишь протяжное *слушай* часовых.

В слѣд за сим покинули мы прелестную, но вѣроломную Чечню, и перешли обратно живописный хребет Качкалыков. Очутясь на голой плоскости, отряд отбросил стрѣлковую цѣпь, тут ненужную, и все что было верхом, разбрелось во время похода, на равнинѣ, покрытой кое-гдѣ по-

лосой низкихъ колючекъ или плетнемъ аула Кумыковъ. Тамъ безопасно паслись стада тучныхъ барановъ, съ пастухомъ, оборваннымъ мальчишкой, вооруженнымъ однако.

Кучка жирныхъ фазановъ подымалась иногда лѣниво и послушный ястребъ, выбирая одного изъ нихъ, приносилъ на сѣдло Бека.

Какой-либо батальонъ, съ права по отдѣленіямъ, кричалъ, бѣсновался, когда трусливый заяцъ опрометчиво хотѣлъ перерѣзать ему дорогу; и съ громкимъ хохотомъ на время мѣшалась колонна, и неосторожный бѣглецъ, придушенный тяжелымъ стволомъ, висѣлъ за *какой-нибудь портупеей*.

Русакъ подымался опять, куча верховыхъ неслась за нимъ во весь духъ съ крикомъ и воплемъ; тщетно онъ уходилъ, положивъ уши на спину: рѣзвой жеребецъ Карабаха иль неутомимый конь Кабардинецъ достигалъ его, при запутанныхъ изворотахъ давалъ новую угонку послѣ крутаго вольта; тщетно раздавался выстрѣлъ винтовки или пистолета, ибо испуганный заяцъ, ускользнувъ изъ подъ лошадиныхъ ногъ, метался во всѣ стороны, какъ сумасшедшій, издѣваясь надъ изступленною тол-

тою. Но онъ изчезъ въ островкѣ; вдругъ всѣ съ сѣделъ долой; на пространствѣ нѣсколькихъ саженъ, человѣкъ тридцать стерегутъ одного зайца, не жалѣя испачканныхъ, но разноцвѣтныхъ шелковыхъ панталонъ, усердно шарятъ . . . Одинъ вытащилъ за уши бѣглеца изъ норы, подымаетъ его вверхъ; блеснулъ кинжалъ съ текстомъ изъ Корана; несчастное животное, отчаянно озираясь, испускаетъ крикъ — стонъ, подобный стенанію человѣка; и на сей вопль отвѣчаетъ юноша прекрасный и тѣломъ и душей... Онъ желаетъ сохранить жизнь несчастному — но тщетно проситъ пощады для ничтожнаго зайца — сверкнулъ кинжалъ отъ скораго поворота — быстро скользнула нить крови; и черныя очи подернулись тонкой влагой, отвернулись съ негодованіемъ отъ противнаго пешкеша 1).

Черезъ два дня завидѣли мы вышку укрѣпленія Ташкичу, около коего разбили лагерь. Не было ни былинки травки на сей обожженной степи, но она нравилась намъ, ибо мы находились дома, у себя. Пыль выѣдала глаза, постоянный бѣшеный вѣтеръ

---

1) Подарокъ.

рвалъ палатки, но мы были какъ будто на покойномъ ночлегѣ; во время трудной дороги. Ибо часть экспедиціи, въ общемъ предложеніи похода, была кончена, какъ отдѣльная тетрадь періодическаго журнала; послѣ которой отдыхаетъ издатель... съ тѣмъ чтобы послѣ отдыха взяться за новую часть.

Николай Пауль.

15 Октября
1833.